Иван-царевич и титановый пес

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лишенный памяти раб на техноплантации, окруженный биомехами - где-то на космической территории Западного Альянса. Он сбегает, ощутив у себя способности глубокого воздействия на технические устройства высокого уровня сложности. Начинается его тернистый путь через космический джунгли, с погонями и драками, когда из друзей только верный косматый роботех. Путь этот ведет не только по Солнечной системе, к далекой Родине, осваивающей систему Юпитера, но и вглубь, к осознанию себя и своей роли в мире. Что в итоге приводит его к весьма неожиданному и большому результату.

- Александр Тюрин
  - Пролог
  - 1. Плен и побег
  - 2. В бегах
  - 3. Крепость на фронтире
  - 4. Глубина
  - Эпилог

Александр Тюрин
Иван-царевич и титановый пес

Пролог

На момент всё застыло вместе с его дыханием, повиснув пестрым облаком в пространстве. Развороченная обшивка, сломанные ребра шпангоутов, вздыбленная палуба, выбитые соты локаторов, гранитного вида силовые агрегаты, цилиндры компрессоров и пластины теплообменников, порванные жилы кабелей и трубы жизнеобеспечения в густых облаках кристаллизовавшейся жидкости. Всё словно легло разноцветными мазками на холст сбрендившего экспрессиониста. Застыл и стяг державы, окруженный слепящей тьмой.

Около его пальцев повис небольшой контейнер с хроноквантовым конденсатом, полученным в результате эксперимента на станции «Юпитер-25», где «переохлажденный» вакуум привел к высвобождению темпоральных трубок из связанного состояния. Тех самых, что определяют фундаментальное взаимодействие во времени, спутывая или разъединяя фазовые траектории систем. Из-за этой «пробирки», успел подумать он, и велась охота на корвет. Корабль подорвался на мине, не давшей отметки цели ни для одного локатора. Всё произошло слишком быстро, чтобы капитан вывел в пространство боя звено истребителей или электронный командир БЧ-2 поставил корабельному оружию огневые задачи.

Окружающее разом пришло в бешеное движение. Он с разгона чуть не врезался шлемом в шасси спасательной капсулы; рванув ручки ее люка, ворвался внутрь, с ходу дернул тумблер двигателя, увидел надвигающуюся сзади стену бешеного огня, и выжал дроссельный рычаг на полную. Десятисекундное ускорение в 23 g ненадолго вырубило его. Когда пришел в себя, то оптико-электронная система наблюдения показала три вражеских истребителя на хвосте, скорость в два раза больше, чем у него, маневренность и ничего сравнивать. Оружие у них, какое хочешь; у него – ноль, даже если плюнешь – в себя попадешь. С пилона одного из тех истребителей сошла ракета. Он видел просверки её маневровых движков, её факел, нагоняющий его. Неотвратимо, как падает нож гильотины на казнимого. А ему ничего, кроме ругани, не остается: «Козлы, я вас с того света достану!»

Его рука сжала контейнер и почувствовала, как тот крошится. Конденсат стремительными голубыми искорками прошел сквозь скафандр.

Взрыв разодрал капсулу, выбросив его навстречу звездам. И космос ворвался в его грудь вместе с рваным куском обшивки.

1. Плен и побег

Мне снятся золотые купола, омывающиеся в яркой голубизне неба. То ли ракеты, то ли храмы. И деликатный ветерок, треплющий мне волосы, и осторожное солнце, ласкающее мою кожу, и шепот листвы пополам с колокольным звоном, нежащие мой слух. Когда я просыпаюсь, не могу понять, было ли что-нибудь такое наяву. А вообще после побудки надо поскорее выковырять крохотных, но вредных биомехов-твурмов, которые во время сна норовят залезть тебе под кожу – паршивцы особенно любят естественные отверстия…

Я не знаю, что было со мной раньше, до того как оказался на мусорной плантации. Но мне прекрасно известно, что теперь всё мое существо, время и силы принадлежат господину, именуемому Кубхан, да сгорят у него яйца и протухнут мозги. И даже когда я откину копыта, мои потроха под элегантным наименованием «человеческие экспланты», как и одолженные мне карбонопластиковые ребра и артерии из поликапролактона будут использованы Кубханом при производстве одного-двух злобных франков. А мое синтетическое сердце отправлено почтой обратно в корпорацию «Бест Эйдж», вырастившую его на своих трехмерных хитозановых подложках и предоставившую его в лизинг.

Вся остальная память стерта хорошо подобранным электромагнитным пучком, который что-то там раздербанил в коре моего мозга. То, немногое, что осталось мне от прошлого – это погасшая фотоническая татуировка у меня на запястье – в виде якоря со звездами вместо лап. И саднящая тоска под моим эрзац-сердцем – я ведь не всегда был таким куском дерьма как нынче.

Уже около года я нахожусь в замкнутом пространстве непонятной протяженности и геометрии, перерезанном плоскостями и линиями платформ, рамп, трапов, труб и шлангов. Здесь холодно и сумрачно, кислорода явно меньше нормы, имеется сила тяжести, естественная или искусственная, треть базовой земной. Что это, космический корабль или станция; нутро астероида, изъеденного проходческими комбайнами и раскрученного буксирами-толкачами; подземелье, прорубленное ядерным взрывом на спутнике Юпитера?

Думать мне позволяется; но о чем думать, когда в голове – ноль? Ясно только одно, что я – в клетке, какой бы размер она не имела. Видно, что полость обитаема. Из тьмы во тьму уходят сортировочные конвейеры. Вдоль них – колеблющиеся красные

огоньки, это рабы Кубхана. Сверху опускаются ковши и манипуляторы – там, наверное, крановые мосты и монорельсы транспортеров, но их уже не видно; если долго вглядываться, то прилетит лазерный лучик прямо в глаз. Иногда оттуда доносится что-то похожее на лай и урчание – это, наверное, робопес в добавление к охранникам – франкам и скиннерам. Если туда доберешься, он радостно похрумкает твоими костями.

У котла-дрекслера должна пройти вся моя оставшаяся жизнь – в компании кибоксов, соединенных нейрокабелем со своим сервером. Я, от нечего делать, вроде как общаюсь с ними. Ведь если молчать, то можно быстро съехать с катушек. Подкидываю им короткие бессмысленные фразы: «Эй, лупоглазый, а у тебя девушка есть?», «Ау, грязнуля, хочешь, научу попу вытирать?» и так далее. В ответ – зачитываемые речитативом параграфы из инструкций или краткие нравоучения: «Кубхан дает тебе десять кубометров воздуха каждый день, да здравствует ответственный бизнес», и тому подобное…

Эти товарищи по несчастью вкалывают 24 часа в сутки, я на четыре часа меньше, да еще на рабочем месте иногда отбиваю чечетку – украдкой, конечно; чтобы не свихнуться от работы. Получается, что кибоксы обходятся Кубхану несколько дешевле, чем я, и окупаются они уже через полгода после изготовления. Согласно закону прибыли, требующему уменьшения издержек, я ему нужен не более, чем биоотходы в дрекслере. Так зачем я ему все еще нужен живым – этот вопрос оставим на потом.

В дрекслере пузырится всякая отчаянно воняющая гадость, которая поступает по трубам, изгибающимся как змеи благодаря своим синтетическим мышцам. Прилипчивые мицеллы с режущими головками, то есть дизассемблеры, резво перерабатывают отбросы. То ценное, что осталось от живых и квазиживых организмов, является моей работой – я с напарником-кибоксом вылавливаю большими сетями с управляемой ячеей всё, что может пригодится Кубхану для продажи на рынке, пока это добро не растащено на молекулы. В первую очередь, органические чипы.

Несмотря на свою прочищенную голову, я тут самый хитрый. Здешние кибоксы не прикарманят, они запрограммированы на обеспечение максимальной прибыли хозяину, поэтому им доверено выискивать кубитные процессоры, терабайтные накопители и то, что содержит редкие земли. У кибоксов червеобразные пальчики, усеянные пупырышками рецепторов, и квантовый крючковатый нос, которым всё они обнюхивают, улавливая колебания молекул ценных веществ. И ничего их от работы не отвлекает. Даже гадят под себя – это затем вылизывают

слизни-биомехи. Питание поступает им прямо в кровеносную систему. Каждые четыре часа включается помпа, от которой тянется шланг к каждому из них, точнее, к патрубку в районе поясницы, соединенному с их системой питания.

От варева в дрекслере поднимается жирный пар – состоящий из агрессивных дизассемблеров – они забивают отверстия воздушного фильтра у моей дыхательной маски. Поэтому лучше иметь баллончик оксигеля, чтобы дотянуть до конца смены. Оксигель можно выменять у роботехов-харонов, которые доставляют сюда новый персонал взамен скапустившегося и новое оборудование вместо износившегося. Но сделать заначку – к примеру, алмазный чип, алмазик с особыми дефектами в трехмерной решетке – надо так аккуратно, чтобы не заметили охранники-франки. Кстати, наказание на нашей мусорной плантации единственное и однократное – тебя отправляют прямиком в тот самый дрекслер.

Вчера франки бросили туда кибокса, который работал несколько недель рядом со мной – за левый игровой софт, который он сунул себе в разъем под мышкой, чтобы, как зачитал в приговоре виртуально явившийся Кубхан, «не отдаваться полностью работе на своего законного владельца». Кибокс – чувствующий биомех, и орёт он, когда его сжирают заживо, соответственно. На моих глазах дизассемблеры растаскивали его на куски: приводы, чипы контроллеров и кристаллы процессоров, трубки системы питания, светящиеся нити информационных магистралей, гелевые амортизаторы – последним истаял его динамик, горестно шепчущий: «Я всего лишь хотел немного развлечься». А я ведь пытался научить его украдкой отбивать чечетку и он был мне почти что братом…

Сегодня стало плохо с моим воздушным фильтром уже на пятом часу работы; жарко, душно, ко мне словно вампир присосался. Мне не достаточно кислорода, не хватает даже слов. Чувствую, еще немного, мое сознание полетит куда-то вдаль, а сам я свалюсь – головой в булькающий дрекслер. У меня сегодня нет заначки, и если б была, то хароны появятся лишь через пару часов.

Одновременно с этой немощью ощущаю, будто растекаюсь и расплываюсь по всей этой полости. Мир вокруг меня дрожит, колеблется, раздувается и сдувается в такт моему натужному дыханию. И кибоксы, и франки, и спиннеры, и дрекслеры и все остальные объекты становятся бледнее, тоньше, словно бы узором на пленке. При вдохе они стягиваются все в точку, находящуюся внутри меня, при выдохе исходят из этой точки. Я просто точка в пустоте. Минимум сознания.

Я, находясь на грани нокаута, словно выдохнул себя в того кибокса, который стоял неподалеку, и очутился в биомеханической тесноте его тела, с его спинтронными мозгами, гидравлическими приводами и человекоподобной кровеносной системой. Чувствую карбонопластик с его плотно упакованными цепочками атомов углерода; из него, в основном, и сотканы биомехи этого типа. Дальше – больше. Вливаюсь в системную шину кибокса, меня словно подгоняет электронный ветер – и осязаю пульсации, проходящие через нее; отсчитываю их частоту, протяженность, силу. Как будто в моем неокортексе гнездятся необходимые для этого интерфейсы. Однако, в отличие от визуализации, присущей обычным киберреальностям, упор сделан на тактильные ощущения, осязание. Я вмешиваюсь в поток сигналов и обработчик прерывания переводит операционку кибокса в режим отдыха.

Краем глаза замечаю, как кибокс, застыв в прострации, шепчет: «Останов – причина выясняется». Мое тело срывается с места как бумажка под порывом ветра. На меня бросается франк-охранник, собираясь прижучить меня разрядом тазера. Пока собирается, сам попадает в мой сачок и улетает в котел, оставив свое оружие в подарок. Дюжина кибоксов вяло пытаются затормозить меня, но лишь тыкаются друг в дружку и неловко пытаются выкрутить друг другу руки.

Мономолекулярные дисплеи, сидящие как линзы на моих глазах, показывают сейчас не инструкции, а виртуального Кубхана. Он как настоящий, только в руке его блещут молнии: «Немедленно вернитесь на свое рабочее место или вы будете брошены в котел».

Мимо пролетает ковш загрузчика – перемахиваю на него, по пути откидывая ногой франка-охранника – каблуком ему в лоб на долгую память. Ковш поднимается наверх и я вместе с ним – мимо монорельса, по которому скользят транспортеры, мимо ремонтных трапов; соскакиваю на один из них. Из последних сил отсчитываю ступени наверх, всерьез задыхаюсь, но вскоре мне становится легче бежать; значит, сила тяжести искусственная и убывает. Однако на хвост мне уже сели. Снизу по трапу поднимается, пуская пар, патрульный спиннер и сверху спускается еще один. У этих биомехов нет лица, только керметовый панцирь, напечатанный на 3D-принтере, и челюстеруки-хелицеры, с которых свисает ядовитая слизь метаболитов; тело сегментировано на головогрудь и брюхо, шесть конечностей с клешнями, перекусывающими даже арматуру.

Заряда у тазера достаточно, стреляй – не хочу. Да только спиннер прыснул чем-то эластично-полимерным, что, намертво

приклеившись адгезионным кончиком к моему трофейному оружию, выдернуло его. Чем теперь обороняться – даже соплей нет. Я вспоминаю, что у меня там в рюкзачке – всё ж свое ношу с собой, потому что не знаю, где удастся прилечь после смены. Две пластинки комбикорма, выработанного на механохимической фабрике из откровенного кала, плюс мочалка-грязеедка.

Я как будто в прострации, время растянулось резиновым жгутом; «выдыхаю» себя в того спиннера, что снизу, и достаю того, что спереди – ощущаю паутинки электромагнитных взаимодействий в их «мозгах», а затем словно пучок пульсирующих нитей оказался в моих руках. Я их что, хакнул, получается? Единицы и нули пульсациями стекают по моим пальцам. Мыслительная схема у скиннеров, похоже, попроще, чем у кибоксов; эмоциональной матрицы вообще нет. Пробую самостоятельно задать пульсациям силу и частоту; с третьей попытки сымитировал прерывание для процессора, передав код ошибки от контроллера челюстерук. Спиннеры дружно перешли в режим тестирования, их хелицеры заплясали как руки дирижера. Откуда это словцо – «дирижер», кто это? В любом случае, пора ускользать.

Прыгаю с трапа и повисаю на бухте кабеля, переносимой краном. Кран поднимает бухту, да и я активничаю, карабкаюсь вверх по тросу – к балке кранового моста.

Когда выбираюсь на пролетную балку моста, ко мне с обеих сторон уже торопятся франки. Их правые руки, благодаря синтетическим генам, заканчиваются клинками. На лезвиях, заточенных до одноатомного предела, играет интерференционными узорами свет.

Спереди и сзади – всё ближе. А мне сейчас одна забота – отдышаться. Им бы изрубить меня сразу в лапшу, но наверняка есть приказ Кубхана: взять меня живьем и швырнуть в котел, для красоты и педагогического эффекта. Тот, что сзади, лупит меня нейрохлыстом, чтобы я выключился от боли, но у меня на кисть намотана мочалка – перехватываю хлыст и выдергиваю; франк от неожиданности выпускает рукоятку, которая оказывается в моей руке. Мне удается захлестнуть нейрохлыстом шею переднего франка, тот из-за боли теряет контроль над своим клинком. Взяв его руку на излом, направляю клинок во франка номер два. Острие входит в него легко, как в жижу. Танец заканчивается падением партнеров с моста.

Я, добежав до концевой балки, огляделся – метрах в двадцати от меня кабина дистанционного управления краном. За ней как будто трап.

Но из кабины выглядывает косматое существо, вроде робопса;

это не тот ли, что грозно лаял и подвывал сверху? Сейчас он свирепо гудит и с его пасти слетает чехол, пятисантиметровые приятно поблескивающие клыки с щелканьем встают в пазы на челюстях – надо обогнуть его, чтобы не лишится какой-нибудь важной детали ниже пояса. Однако робопес легко просчитывает мою траекторию; его тело, полное синтетических мышц, с легким шипением шарниров вытягивается из кабины, становясь как тугая струна.

– Отстань, тварь, – я бросаю из рюкзачка обе пластинки комбикорма ему на растерзание, затем и мочалку прямо ему на нос. Это пока что отвлекло его, красные огоньки глазков-камер фокусируются на неожиданном «подарке». Он стряхивает ее и снова ловит, вроде как забава – робопес явно скучал до моего появления – но путь к трапу все равно перекрыт. Я перемахиваю на крышу кабины. Сила тяжести минимальна. Может, попробовать подпрыгнуть? Прыгаю, но мне явно не хватает силенок, подлетел на пару метров и вернулся назад. С большой натугой подскочил еще раз – и вот незадача, снова возвращаюсь. А по балкам уже подползают червеобразные объекты размером с хорошую палку колбасы. Опять по мою душу. В передней части у каждого робочервя полусферический панцирь, напоминающий шлем, поверх которого рожки – от них идет волна озона, значит, будут шарахать разрядами на несколько тысяч вольт. Запросто поджарят.

Тут в меня снизу врезается крепкая башка робопса, который, наигравшись, пытается ухватить челюстями за мою задницу. И я с такого хорошего толчка лечу верх тормашками, не останавливаясь, и уже ничего не тянет меня назад. Верх и низ меняются местами, я вижу внизу грузовой док. Однако за мной летит щелкающая острющими клыками тварь; на носу у нее так и прилипла моя мочалка, образовав подобие шикарных кавалерийских усов.

2. В бегах

Я шлепнулся на платформу дока – здесь уже имелась слабая сила тяжести, где-то четвертушка от базовой земной. Следом приземлился и робопес – я едва успел откатиться.

Клацая титановыми когтями по стальному покрытию, он приближался ко мне. Не рычал, но как-то звенел от злости. По внешнему виду похож и на здоровенную крысу, а зубов у него, что у крокодила. Робопес резко бросился на меня, но я успел подкатиться под него, он захватил меня задними лапами и мы оба слетели с платформы дока. По дороге я уцепился за какой-то кабель, тот вырвался из крепления, но все же остановил мой полет. Одной рукой я хватался за него, а второй, оказывается, держал робопса за заднюю лапу. А внизу, под нами, катапульта с линейным электродвигателем разгоняла пузатый грузовик на пять тысяч тонн дедвейта.

Мне стоило разжать руку и металлическое животное отправилось бы вниз – там от него не то, что мокрого, и сухого б места не осталось. Только робопёс, повернув голову на 180 градусов, смотрел на меня. Стандартные вроде «глаза» – трехканальные камеры. Но за этим было что-то еще, как будто биение чувства, словно у этой твари из титана и квазиживой органики, помимо стека исполняемых команд, имелась душа настоящего пса, пусть она и базировалась на спиновых волнах аналогового процессора. Я будто услышал музыку магнитных вихрей, рождающих его сознание. Почувствовал его одиночество и желание повилять хвостиком. Ему был нужен друг и хозяин. И робопес впервые тявкнул, почти по-настоящему и как-то виновато. Мол, давай дальше вместе.

Я стал раскачиваться и мы вдвоем дотянулись до другого кабеля, робопес мигом зафиксировал на нем свои челюсти-капканы. Я отпустил свой кабель и «качели» перебросили меня на штангу видеорегистратора. А следом и моего нового товарища. Со штанги был выход на направляющую, узкий рельс для передвижения обслуживающих автоматов. Робопсу было на ней вполне комфортно, а я цеплялся за его космы. Дружно мы добрались до лифтового устройства, приспособленного для складных роботехов. Новый товарищ сложился втрое, став ящиком – он, оказывается, трансформант из материалов с программируемой формой – и я как-то скрючился в оставшемся объеме кабины. Так и доехали до грузового причала, над которым сияла голо-реклама в виде бойкой девы, с блистающей между ножек надписью: «Добро пожаловать в порто-франко астероида

Абунданция». Значит, это на Абунданции меня выжимали на протяжении года…

Здесь стояли штабелями грузовые двадцатифутовые контейнеры. Робопес сразу показал, что он мастер открывать у них двери. Но залезть в такой контейнер означало уже никогда не выйти, по крайней мере, в добром здравии; «заходи – не бойся, выходи – не плачь», всплыла в моей голове странная поговорка. Заберет погрузчик, доставит на борт ржавого грузовика и тот закинет тебя на какой-нибудь миллионопервый астероид класса С, где из доставленных частей самостоятельно сползается новая автоматическая база Альянса. Неизвестно, кто и когда найдет твое несвежее тело. Но вот те укороченные контейнеры на стеллаже, похожие на большие холодильники, скорее всего, набиты харчами – это для снабжения экипажа, который не собирается превращаться в криоконсервы, а будет жить полной жизнью. То есть, искать груз и фрахтователя, где ни попадя, и, следовательно, бодрствовать и жрать. Значит, такой контейнер окажется не глубоко в трюме, а в каптерке возле камбуза.

Робопес засовывает заостренный язык коннектора в разъем пищевого контейнера и становится похожим на дракончика. Он умеет флиртовать с дверями, подбирая протокол общения, и, претендуя на интимное общение, генерирует коды для доступа внутрь закрытых емкостей. Ага, информация с контейнера считана; провизия предназначена для борта номер такого-то, вылетающего на Цереру сегодня – значит, скоро за ней приедет робопогрузчик. Церера – проходной двор Пояса, в хорошем смысле, я об этом слышал от кибоксов. Я бы туда отправился.

Робопес вскрывает контейнер, теперь нам надо выкинуть из него пару ящиков с консервами, чтобы создать себе там жизненное пространство. Внутри него нашлась и коробка с дозами оксигеля – каждый баллончик на четыре часа полноценной жизни. Мы с новым товарищем залезаем в контейнер. Свернувшись, он опять становится не больше ящика – снова есть повод позавидовать, почему я не трансформант. К канюле на бедренной вене подсоединяю баллончик с оксигелем, будет снабжать кислородом респироцитов – искусственные клетки моей крови; и, подзарядившись саморазогревающейся пюрешкой из непонятно чего, мирно засыпаю.

А просыпаюсь, получив крепкий удар в физиономию – «доброго утречка»! Меня стискивают схваты манипуляторов и, кто-то, облаченный в экзоскелет, тащит мое тело по палубе, мой разбитый нос оставляет на ней красную стрелку. Ясно, что я на космическом корабле и предельно понятно, что мне здесь не рады. Надо что-то лопотать, пока меня не отутюжили по полной

программе.

– Друзья, давайте сменим модель общения, найдем точки соприкосновения, у нас наверняка есть общие интересы. Ну, мы ж не дебилы какие-то.

Мне отвечают на квакающем пиджине-16, который не очень отличается от пиджина-15, на котором говорю я.

– Это ты – дебил, а мы – свободные индивидуумы Западного Альянса. И разговор у нас с зайцами один. В шлюзовую камеру, а оттуда в космос, на проветривание.

Похоже, я крепко влип. Это люди или франки, сделанные из людей. Роботеха и биомеха легче прочувствовать, чем жадное, злое, как бы сплюснутое человеческое существо, представляющее собой «свободного индивидуума Западного Альянса».

– Мы можем отлично договориться, как индивидуум с индивидуумами, – максимально убедительно заявляю из лежачей позиции. – Мне только надо пообщаться с вашим капитаном. Я предоставлю все необходимые доказательства, что смогу заплатить.

– Капитан уже отдал распоряжение, спустить такого переговорщика в унитаз. Исполню с превеликим удовольствием. Из-за тебя, говнюк, мы лишились двух ящиков первоклассной жрачки, которую не напечатаешь на 3D-принтере. Ты и дальше собираешься запихивать нашу еду в свою наглую пасть, а потом еще спускать воду в гальюне? Блин, до тебя что не доходит – нынче всё дорого стоит, не только вздох, но и пук.

Мне для просветления выделяют еще пару пенделей – теперь уже ботинком.

Какой же выход? Попробовать продать им свое синтетическое сердце? Мол, доберемся до Цереры и я там поменяю его на дешевую подделку, выращенную в местном притоне на живой «плантации органов» из числа отставных проституток. Вам, господа хорошие, достанется вся разница в цене.

Прежде, чем я успеваю выпалить свое деловое предложение, красная стрелка, оставляемая моим носом, утыкается в дверь с надписью «Выход». Потенциальные партнеры по бизнесу забрасывают меня в шлюзовую камеру. Пока качусь кубарем, внутренняя шлюзовая дверь с лязгом закрывается, с противным скрежетом входят фиксаторы в пазы. С той стороны осталась пара бесчувственных болванов; сейчас один из них, заржав, дёрнет рычаг и я вылечу в космос как мешок гнилых овощей. И мысли глупые в голове кружат – попытаться задержать дыхание или же сразу вдохнуть вакуум?

Один из тех «свободных индивидуумов» смотрит в окошко шлюзовой двери, строит рожи, показывая, какая у меня будет

красивая физиономия в космосе. Он своим издевательством подарил мне десять-пятнадцать секунд жизни. Я уловил его волну; гаду надо непременно поприкалываться надо мной. Да, чтоб я это увидел, пока жив. Не остаюсь в накладе, показываю однозначным жестом, что его башка – такая же умная, как и моя задница. Это дает мне еще пятнадцать секунд жизни.

И вдруг брызги крови обильно смочили смотровое оконце; физиономия паясничающего садюги сползла по стеклу, оставляя розово-сопливый след. Потом в оконце была видна чья-то трясущаяся нога, недолго. Когда она исчезла, в стекло уткнулась морда робопса. С клыков у него тянулась полимерная слюна и кровь его жертв, даже какая-то кишка застряла – чем он чистит зубы? И вид у него был совсем недобрый. Похоже, франки, приняв его за ящик, поставили в уголок – и просчитались.

Я услышал, как фиксаторы выходят из пазов, а следом с шипением пневматики стала открываться внутренняя шлюзовая дверь.

На пороге шлюза стоял робопес и сейчас он совсем не был похож на прирученного и одомашненного. Выбросить человека в космос – это забава для хомо сапиенс, особенно если выбрасываемый будет скулить от страха, а для такого роботехнического животного куда более приятно – конкретно растерзать кого-нибудь и поиграть его кишками. Из робопса донеслось утробное рычание и его заляпанная кровью морда потянулась ко мне. Внутри меня всё заекало, и печенка попыталась спрятаться за селезенку. Да только он, повернувшись, мирно повилял хвостом, что у него вполне получилось. Но хвоста у него ж раньше не было… елки, это ведь моя мочалка!

Я перешел через порог шлюза, по сторонам валялись два трупа членов команды. Картинка – неприглядная. Тот, что покрепче – с вырванным горлом, а дистрофан в экзоскелете – с напрочь откушенным затылком. Меньше надо было прикалываться, лучше бы шлем надел. На палубе – вывалившаяся начинка дурной головы: мозги, какие-то биочипы, сгустки крови – смотри не поскользнись; на эту грязь уже нацеливаются приземистые робополотеры. Псина поклацала карборундовыми клыками, как бы требуя моего одобрения. «Молодчага, только делай это, когда я тебе намекну.» Пришлось еще сковыривать идентификационный чип с решетчатой кости у дистрофана, все руки после этого в кровище – хорошо, хоть песик облизал. Забрал пушку у крепыша; 38 калибр, патрон «космикос» под пониженную силу тяжести.

И как раз мне пришло сообщение от моего искусственного сердца, что оно будет отключено в течение 60 секунд, если не

будет введен новый код активации, полученный у корпорации-производителя. Я сел на палубу, мне надоело ожидать скорой смерти по три раза за десять минут! Да и такой подлянки от как бы своего собственного органа я вообще не ожидал. Включился отсчет времени отключения продукции фирмы «Бест Эйдж». Робопес явно требовал, чтобы его погладили. Ладно, не жалко напоследок. Хороший песик, зубки остренькие. Но когда я дотронулся до его шерсти из ниточного сплава – мою ладонь стало покалывать. Это робопес начал забрасывать мне информацию через скин-коннектор. Он упорно подбирал коды и подобрал, отсчет времени был остановлен на двадцать первой секунде. Собачка-то должно быть разгрызла немалое количество искусственных органов, чтобы в итоге разгадать алгоритм генерации кода…

А теперь надо торопиться на мостик. Миновали без проблем – за счет трофейного идентификационного чипа – дверь, ведущую в самую важную часть корабля. И появились там вовремя, когда уже зазвучала общего тревога.

Я узнал капитана по золотой командирской цепочке и приставил ствол к его виску – мужчина от удивления уронил челюсть на грудь. А робопес, опрокинув на палубу старпома, ухватил того зубами за темя. Я видел шрамы от лазерной сварки и штрихи от степлера на зеленоватой коже капитана; похоже, это – франкенштейн, и вся его команда тоже франки. Дешевые «свободные индивидуумы», сшитые из кусков трупов, закупаемых оптом во время какой-нибудь войнушки или эпидемии, организованной корпорациями – это ж идеальные потребители и избиратели, голосуют то за демократов, то республиканцев; запас культуры ограничен стрелялками и порно-анимешками. Именно такими Западный Альянс быстро заселяет пространство.

– Пора договариваться, ребятки, мой пес разгрызает кости, как семечки лузгает, двое из ваших уже проверили это на себе, – известил я присутствующих, и по громкой связи тех членов экипажа, которые толкались с той стороны бронедвери, изолировавшей мостик от остального корабля. – Кстати, как называется посудина? Отвечать быстро или у кого-то вывалится весь кал из черепной коробки.

– «Ламборгини», – поспешно отозвался старпом с пола, в то время как капитан всё не мог преодолеть удивления.

– Это название вам не идет. Больше бы подошло «Труповозка». Когда пребываете на Цереру?

– У нас теперь другой порт назначения. Груз до астероида номер 152, Аталы. В последний момент подвернулся. И запас топлива только до Аталы.

– Что за груз?

– Астероидная никелесодержащая порода в двух трюмах, 1000 метрических тонн…

Рапорт старпома был прерван скрипучим голосом, принудительно вошедшим в громкосвязь:

– Говорит патрульный корабль Альянса «Пикадилли». Вы должны немедленно пристыковаться к стыковочному блоку по нашему левому борту. В случае неповиновения приказу будете уничтожены.

Всё как будто однозначно, уже не спросишь: «Что вы имеете в виду»? К тому же боевой корабль приближается к нам со скоростью 50 километров в секунду – скоро будет виден не только на экране локатора, но и в оптике.

– Какой шикарный хвост у вас, ребята. Это что у вас на борту? Значит, не только руда-муда. Контрабандой балуешься? – спросил я старпома, старательно повысив голос к концу вопроса; так говорили франки на плантации, чтобы застрессовать собеседника.

– Загляните в нашу грузовую декларацию и карго-план, сэр….

– Делать мне, сэру, нечего. По любому, они пустят нас всех в распыл, поэтому беру управление судном на себя.

И если эти ребята ни при чём, то, получается, целый фрегат Альянса со всеми его пушками и пусковыми установками увязался именно за мной. Только зачем? Можно догадаться, что между Кубханом и Западным Альянсом взаимовыгодные отношения, если его флот никак не препятствует работорговле. Но гонять корабль за каким-то беглым рабом – это не выгодно ни Кубхану, ни Альянсу, а господа и ханы умеют считать свои и чужие деньги. Что во мне такого особенного? Пустая голова? Это не редкость в наше время. Арендованное сердце? Да оно ж самое стандартное, далеко не последней модели, уже в двух-трех телах поработало. Ладно, буду делать вид, что всё понимаю.

– «Пикадилли», вызывает «Ламборгини». Я в курсе, зачем вы сюда приперлись. В случае враждебных действий интересующий вас… объект будет немедленно уничтожен. Я иду со своей добычей на Аталу. Можете культурно сопровождать нас туда и попытаться там арестовать нас по судебному решению. Как вам, сгодится роль девочки из эскорта?

На «Пикадилли» думали, совещались. Наконец отреагировали:

– Хорошо, «Ламборгини», следуйте на Аталу. Не сомневайтесь, вас там встретят.

С этого момента у нашего «Ламборгини», благодаря неряшливой покраске похожего на ржавое корыто, был почетный эскорт в виде глянцевой туши альянсовского фрегата.

Я, конечно, впустил «коллег» из моей новой команды на мостик.

Они уже сами всё поняли; вернее, ничего не поняли, но боялись, и поэтому сдали пару стволов, которые у них еще оставались, едва увидев зубки моего Бобика. Та, что в команде являлась дамой, числилась старшим механиком и по совместительству еще буфетчицей. Она была обклеена трансодермами, которые снабжали ее через кожу всякой дурью, а на ягодицах, как вскоре выяснилось, у нее была забавная фотоническая татуировка. Она даже приносила мне кофе, и голос у нее мог быть нежным. А руки ласковыми, глазки игривыми, и так далее. Даже не хотелось думать, что она тоже является франком, хотя цвет того самого зада у нее весьма отличался от цвета бюста, словно ранее эти части тела принадлежали дамам разных рас… Кстати, прежнего капитана пока что засунули, несмотря на его трехэтажный мат, в криоконсервационный модуль, чтобы не уменьшал скудные припасы, обжора. Да и вообще, когда он в холодильнике, мне спокойнее.

Ну, а астероид номер 152 при встрече показался сплошным портом. За рейдовым кольцом – входы в шлюзы доков. За доками, надо полагать, сплетение тоннелей, где все необходимое для космоплавателя – склады, барахолки, бордели, живые плантации органов.

– «Ламборгини», дирекция порта радостно приветствует вас, – обратилась к нам портовая система управления, когда мы вошли на рейд. – Ваша причальная стенка E7 – пятый док. Ваша очередь подойдет через два часа. Фирма «Иштар Майнс» может прислать вам девочек, мальчиков, полигендеров и квазиживые сексуальные игрушки прямо на рейд. Оформить заказ по вполне разумным ценам можно уже сейчас, постоянным клиентам – скидка.

Я представил этих «полигендеров» и мне стало тошно – это будет похуже вражеского фрегата.

– Многоуважаемая дирекция, мальчиков с игрушками вызывайте себе, а мы просим исключения. У нас утечка топлива – и ураникс не шутка – уже через полчаса можем загадить вам внушительную часть рейда.

Там посовещались и через пару минут пришел ответ.

– «Ламборгини», ваш причал – G35, седьмой док. Вход немедленный.

А на рейд как раз заплывала роскошная «девочка из эскорта». Ненамного мы опередили «Пикадилли». Тут я как раз подумал, что причиной пристального интереса флота Альянса к моей скромной персоне может являться моя способность взаимодействовать с интеллектуальной техникой, принудительно

подключаться к ней, как будто во мне спрятан какой-то совершенно нестандартный интерфейс.

Открылись ворота седьмого дока и мы чинно вплыли в подходной тоннель. Борт-шкипер, принимая сигналы от лоцманской системы порта, аккуратно превращал их в команды для маневровых двигателей. Пока что ни один из них не барахлил. Я ведь с судовой механицей тестировал их накануне – до сих пор засосы от её поцелуйчиков болели.

Но в тот момент, когда доковые ворота уже должны были захлопнуться за нами, в щель проскочило семь треугольничков – я их сразу опознал, легкие истребители с фрегата Альянса.

Легкие-то они легкие, но нам хватит и легчайшего с одной скорострельной мелкашкой на турели. Я переключил борт-шкипера в консультирующий режим и перенял управление на себе.

И хотя лоцманская система показывала нам курс прямо, взял право руля.

– Вы нарушаете предписание дирекции порта, это чревато аварией и большим штрафом, – подключив эмоциональный интерфейс, недовольно пробубнила лоцманская система.

– У меня дисфункция правого маневрового двигателя, угрожает навал на стенку, – отбрехался я.

– Хорошо, стоянка в седьмом доке отменяется, двигайтесь в правый тоннель, вас примет портовый манипулятор.

В тот момент, когда портовый манипулятор должен был зацапать нас, я прибавил ходу в направлении терминала навалочных грузов, а истребители начали палить из своих гауссовских пушек зажигательными боеприпасами.

Я сбрасываю секцию второго трюма и большинство выстрелов приходится на нее. Однако несколько разрывов украшает ворота терминала. Теперь мне будет легче проломить их носом нашего грузовика.

Не проломил, а снес напрочь – их уже разъело бескислородное горение. Миновав терминал, «Ламборгини» влетел в тоннель, ведущий в заброшенные горные выработки. В это время и случился бунт на корабле. Буфетчица, принесшая кофе на мостик, попыталась выплеснуть мне его в лицо, старпом обрушил на мою голову огромный гаечный ключ, а экс-капитан, которого кто-то вывел из криоконсервации, ухватил меня своими леденющими руками за ноги. По счастью, «Ламборгини» в это время слегка двинулся левым бортом о стенку тоннеля, отчего старпом попал гаечным ключом по голове экс-капитану, а буфетчица выплеснула горячий кофе в физиономию старпома. Им не удалось заблокировать мостик, так что подоспевший робопес

быстро репрессировал восставших, и я мог спокойно управлять кораблем дальше. И теперь сбросил секцию первого трюма.

Что ж, пора познакомиться поближе с информационно-вычислительной системой астероида, его кибероболочкой. Я посмотрел на робопса – сыграешь роль интерфейса для низкоуровневого соединения? И косматый, обнаружив подходящий коммуникационный порт, стал элементом техноперифериии кибероболочки. Мой цифровой аватар, сделавшийся частью кибернетического образа робопса, был втянут объектным адаптером кибероболочки. Я, будто пес, мчался по информационным магистралям, мимо пирамидальных хранилищ данных, пробивался сквозь заросли цифровых объектов, проходил в порталы интерфейсов, где содержались функции по управлению энергоснабжением, инфраструктурой и горнодобычей, проходческими комбайнами, погрузочно-доставочными машинами, конвейерами, шагающей крепью и прочим хозяйством астероида.

И выяснилось, что тело Аталы всё изъедено шахтами, штольнями, штреками, где добывали водяной лед, силикаты и углерод, мало чем отличимый от обычного угля.

Горные выработки проходили практически через весь астероид, примерно половина из них была уже заброшена, но через шлюзы сообщались с доками и грузовыми терминалами на его обратной стороне. Это уже что-то, летим насквозь и наружу.

Первый, второй, третий поворот, легкая гравитация легко преодолевается маневровыми двигателями – мне кажется, что весь астероид со всеми его тоннелями у меня в голове.

Неожиданно сверху появляются два истребители Альянса, однако не успевают обработать нас из пушек – я притираю их к железобетонной обделке тоннеля, тряска распространяется от обшивки на все внутренности нашего суденушка. Я отвожу «Ламборгини» в сторону, но истребителям это уже не поможет, корпуса у них раздавлены, маневровые движки вылетели, рули выбиты, и, после недолгой разрушительной круговерти, они взрываются.

А наше корыто еще сохраняет достаточную управляемость, так что добралось до одного из центров эллипсовидного астероида. Пятьсот метров ниже уровня поверхности. Еще бросок по штольне, ворота старого шлюза застыли в положении «полуоткрыто», выходим через него в доковую систему номер двадцать пять.

Она располагается на искусственных террасах, прорубленных в огромном метеоритном кратере.

Перед нами космос. Да только нас встречают корвет, катера и

истребители флота Альянса. И у них все убийственные аргументы для победы в «споре хозяйствующих субъектов». Сейчас начнется пальба, не успеешь и «Отче наш» прочитать.

Я резко даю тягу на нижние маневровые движки, и, подняв «Ламборгини», прячу его в каменную нишу, где находится ремонтный стапель. А прямо под нами проходит факел ракеты, выпущенной с корвета. Ракета попала в штольню и разорвалась там, выбив наружу облако, состоящее из обломков породы и крепи. Небольшая часть от них пришлось на корпус «Ламборгини», но и этого хватило. Грузовик задергался, по смещению центра тяжести я понял, что сорвало со станины главную силовую установку, вместе с повалившим дымом заработали системы пожаротушения, брызгая куда ни попадя пену.

На какое-то время я попал в психологическую отключку, не ощущая ничего, кроме своего дыхания, делающего окружающий мир тонким и колеблющимся. Каждая частица материи, оказывается, лишь пульсирующий ручеек одной и той же энергии, проходящей через крохотный затвор на границе Бездны. Эти ручейки могут бежать вместе, я увидел и почувствовал вихри в сверхпроводящих джозефсоновских контактах, на которых базируется интеллект Аталы.

У кибероболочки астероида не было сознания в привычном понимании, но было чувство заточения, израсходованности и сдавленности, которые она хотела преодолеть. Она страдала, потому что чрево Аталы было изъедено неугомонными грызунами, которые не собирались останавливаться, пока не сожрут ее полностью. И я подсказал ей, как извергнуть злость. Мои мысли, пройдя через её интерфейсы, превратились в потоки командных сигналов…

Из нутра Аталы, из десятков тоннелей, вылетают сотни тонн пустой породы, разогнанные на скипах силой Лоренца, а также захваченные этими потоками проходческие комбайны, буры, трубы, крепь, шнеки конвейеров, погрузчики, трансформаторы, контейнеры, разное барахло – и несется прямо во вражескую флотилию. Взрывы на корпусах кораблей, судороги внутри корпусов, огонь, выходящий изнутри кораблей и разрывающий их на куски...

Мгновением спустя робопес выволок меня из горящего «Ламборгини»; едва я успел войти в скафандр, как порция обломков достала и наш грузовик. Я плыл в пространстве, а вокруг так сказать «свистели» булыжники и всякий мусор, включая кукол из секс-шопа, каждая из которых могла легко прикончить меня, не прекращая рекламировать свои услуги:

«Тридцать поз за одну цену».

Но, умело маневрируя среди них, ко мне приближался автоматический транспортер космической почты; я вызвал его, пока находился на Атале. Даю ему указания, принять живой биоматериал в виде меня с необходимой криоконсервацией, плюс сопровождающего роботеха в экономной форме ящика – доставку оплачиваю кредиткой экс-капитана «Ламборгини». Прощаюсь с Аталой и ввожу пункт назначения…

Мне снились сны. Я лежал, но меня везли. Поле, телега и сено. И небо, по которому, сопровождая меня, тянется череда облаков, похожих на таких кудрявых безобидных животных – подходящее слово прорвалось из небытия – овечек. Я их считал, считал и вслушивался в пение какой-то невидимой пташки, словно бы застывшей в зените. Но однажды эта телега понеслась куда-то вниз по склону, набирая скорость, в снежную мглу; все холоднее, стужа скребет мне лицо, спину, режет под мышками.

Когда я стал просыпаться, успел заметить, что погружен в холодную жидкость и нахожусь в чём-то вроде чемодана. Жидкость разом вытекла и чемодан открылся. Я находился вместе с верным робопсом в небольшой капсуле, а вокруг нас был ад. Мы пребывали в свободной падении между исполинских голубых «стен» облачного каньона, состоящих из кристаллов аммиачного льда. Надо мной сияло авроральными всполохами желтое небо, подо мной бордовым и багровым цветом внушительно переливалась глубина.

Несмотря на всю чудовищность этого зрелища, у меня было ощущение, что я это уже видел и меня заносило сюда раньше. Юпитер.

Но сейчас этот замечательный спектакль закончится, на многие сотни километров нет ни одной живой души, способной подумать обо мне, не говоря уж о том, чтобы прийти на помощь. Или есть?

Стремительный глиссер, вырвавшись светящимся болидом из облачной стены – я успел заметить эмблему в виде двуглавого орла у него на борту – зацапал капсулу своими схватами и упрямо потащил нас наверх, преодолевая узы Юпитера. Поначалу с большой натугой, пару раз провалившись вниз – я уже подумал, что сейчас он нас выпустит – но всё же набрав высоту с помощью восходящего вихря.

Мы пролетели мимо объекта, напоминающего юлу – позднее узнал, что его называют Кельей, он принадлежит Иоанно-Богословскому монастырю Русской церкви и находится в верхних слоях атмосферы гиганта. Пронеслись мимо цепочки огоньков – орбитальная исследовательская станция «Юпитер-25», луч

прожектора высветил на ее борту ту же эмблему с золотым двухглавым орлом. И вот над головой – протяженная ледяная твердь юпитерианского спутника, красиво именуемого Европой, с темными прожилками разломов и выбросов. Ещё немного и она уже внизу.

Над поверхностью льда виднеется только несколько шпилей – антенны и локаторы. Глиссер вместе с капсулой, застывшей у него в «когтях», ныряет в обозначенную навигационными огнями дыру тоннеля и оказывается на тормозной рампе, которая приносит его на парковку подледного города.

Он находится где-то на полкилометра ниже поверхности Европы; между верхней и нижней кромкой ледяной полости – метров сто.

Город похож на грибницу, строения-грибы пристроились там и сям в этой полости, посверкивают в серебристо-голубых лучах двух солетт. Откуда-то у меня в голове возникают слова «Грибок-теремок» и понимание, что эти «теремки» – из саморастущего нанопланта.

Люк капсулы открыт снаружи; манипуляторы усаживают меня в катящееся кресло, которое любезно фиксирует мои руки наручниками. Далее торжественное шествие по эстакаде: впереди офицер, который спас меня на Юпитере, за ним я в роли упакованного буйнопомешанного – на каталке, далее робопес в форме ящика. Беднягу еще зафиксировали чем-то вроде монтажной пены, он только натужно скулит. Перед нами раскрывается то, что казалось вполне непроницаемой глянцевой стеной – это нанопланта показывает фокусы – лифт ввинчивает нас по шахте куда-то вверх, и, в конце концов, открывается изящной диафрагмой дверь, впуская нас в просторное помещение.

Здесь смахивает на террариум. В клетках десятка три задержанных – кибоксы, спиннеры, роботехи-зооморфы, франки, какой-то киборг с хитрющими человеческими глазами – думаю, что вся эта публика с сомнительными намерениями пыталась проникнуть в подледный город или его окрестности. В ящиках зудит и бьется вредная мелочь.

Офицер, доставивший меня, обращается к человеку, у которого на пульте весь террариум в виде фотонного кристалла. Этот офицер – женщина. Говорит не на пиджин, но я ее понимаю.

– Примите задержанного. Отловила его с Божьей помощью, когда он падал на Юпитер. К нему и техноперифериа – робопес, модель Mitsui Wolfhound, похоже, что с самостоятельным апгрейдом, система питания – универсальная, уровень потенциальной опасности – 3. Запишите как личное имущество задержанного.

Когда она поворачивается ко мне, я вижу, что это еще и монахиня. Сестра Евпраксия, судя по нашивке.

Каталка со мной вместе проезжает сквозь жужжащую рамку терагерцевого сканера.

– Доставленный объект является человеком – количество искусственных тканей не превышает десяти процентов, – рапортует распорядитель этого террариума или, точнее, КПЗ. Я почему-то догадываюсь, что у него на комбинезоне лычки казачьего офицера, урядника, кажется.

– Вообще-то в курсе, что я не коробка с железяками внутри. Мне присущи разные человеческие достоинства, а возможно и некоторые человеческие слабости, – тут взгляд сестры Евпраксии стал пронизывающим насквозь. – Но я не упорен в грехе, и с понедельника всегда начинаю новую жизнь.

Урядник наконец обращается ко мне.

– Имя, фамилия?

– У меня имеется только красивый трехзначный номер. Я даже не знаю, на каком языке сейчас говорю, однако ясно, не на том квакающем, что раньше. Я бежал с плантации, расположенной внутри астероида Абунданция, добрался с попутным грузовичком, который удалось присвоить, до Аталы. Еще меня преследовали корабли Западного Альянса, будто моя задница намазана медом – простите, сестра Евпраксия. На Атале удалось отбиться от преследования и попасть в капсулу, которую космическая почта отфутболила ровно на Юпитер, потому что я указал адрес с некоторой ошибочкой. Звучит все это не очень – чудеса в решете, я это осознаю, но именно так всё и было. А где я сейчас, если не секрет?

Урядник вопросительно посмотрел на монахиню и та сказала:

– Этот город называется Ляпунов-2 и принадлежит Российской державе. Говорят здесь на русском языке. «Чудеса», сказали вы. Прежде чем признать что-то чудом, стоит рассмотреть тысячу гипотез, почему это не так.

И меня заперли. Я как раз успел к ужину. Картошечка-грибочки, а не комбикорм из дерьма, как на Абунданции. Робопес же в виде ящика отправился на полку. Меня заперли, ведь никто не знал, кто я такой, впрочем, этого не знал и я сам. Кроме трехразового питания было еще одно удобство – сквозь тонкие до незаметности прутья клетки я видел стену из металлического стекла, а за ней ледяной мир вплоть до самого его «горизонта».

3. Крепость на фронтире

Время текло так тягуче медленно, что казалось – намазывать его можно. Больше всего скучал я по общению со своим псом; у него хоть нет речевого интерфейса, но он мастер по собачьим трюкам. На моем персональном чипе, конечно, имелся таймер, однако секунды потеряли смысл, стали страшно длинными. Прошло сто тысяч кошмарно длинных секунд и вдруг остановка– ледяной небосвод, где-то поближе к «горизонту», прорвало. Вместе с неудержимыми потоками ледяного крошева и огромными облаками мгновенно леденеющего пара из него вываливалась отнюдь не потенциальная опасность.

Что-то похожее на здоровенных пиявок, оснащенных кучей вращающихся дисков с зубцами, пробивает верхнюю границу города, плавя и пробуривая лёд. И скрывается с глаз, уходя вглубь через нижнюю границу города. А через пробоины, одна за другой, в ледяную полость, освоенную городом, влетают шипастые сферы, которые смахивают на модели вирусов в крупном масштабе, смастеренные для музея – каждое на десяток метров диаметром. Достигнув поверхности, они катятся, лопаются, из них грудами вываливаются роботвари инсектоидного типа, юркие и быстрые. Они, конечно, никак не сигналили – их боевые алгоритмы не требовали общения в радиодиапазоне, чтобы не иметь уязвимости – но я словно слышал мощное хоровое стрекотание.

Какое-то время мне казалось, что я единственный свидетель этого нападения, но тут заверещали сирены и я увидел, что по вторгнувшейся робонечисти открыта стрельба из верхних и нижних полусфер домов-грибов. Это, похоже, заработали гранатометы местного ополчения. Огни термитных боеприпасов спекали и сжигали нападающих, но теми по-прежнему кишмя кишело. Шипастые сферы продолжали ссыпаться сквозь проломы в ледяном «небосводе» и катиться к городу.

Черный поток робинсектов, достигнув первой из грибообразных построек, стал выстраивать вокруг нее вроде как фасадные леса, а потом безжалостно проткнул ее, сразу в тысяче мест. Немного погодя она потрескалась – в трещинах были видна играющая огоньками губчатая масса. И несчастный наноплант рванул, разлетевшись густым облаком тлеющих угольков. А ведь следующий удар придется именно на тот «грибок-теремок», в котором нахожусь я. Почувствовалось, как все мои органы стекают в пятки. Чего я не хочу больше всего на свете – чтобы меня сожрали в клетке.

– Эй, приятель, а ты не забыл меня выпустить? – крикнул я

уряднику, который тем временем оживленно общался с кем-то. Звуковая изоляция отсекала меня от его слов, я видел только блики от голографических экранов на его щеках. Но он успел подумать обо мне.

Прутья моей клетки, показывая мастерство кристаллической механики, разошлись в стороны, а сверху на меня свалился самоодевающийся скафандр. Едва я вошел в скаф, как стеклянная стена рассыпалась, наружу рванул воздух, а навстречу полетели тысячи огоньков. Когда я охватил взглядом остальное, урядник уже лежал на полу. Он успел облачиться в скафандр, но из его тела торчало несколько дрожащих игл со светящимися кончиками, наружный датчик показывал отсутствие дыхания.

Я забрал из его рук импульсный автомат и тут в КПЗ стал втекать поток робинсектов.

Я стрелял по наступающим тварям, сметая их плазменными вихрями и укрываясь за ящиками от посылаемых ими игл; при том изнутри рвались какие-то новые слова – «твою ж мать», «хрен вам» и так далее. Мне это даже нравилось, хотя я и чувствовал, что везение ненадолго; по счастью, мой пес управился всё-таки с монтажной пеной и намекнул мне, что пора сваливать. И с разбега – он прыгнул и я тоже, держась за его ошейник – мы перемахнули, точнее соскочили на «шляпку» соседнего приземистого «гриба».

Однако робинсекты, соединяясь друг с другом, быстро образовали математически выверенный элегантный мост, по которому двигались их коллеги. Густой толпой. К нам.

Они уже совсем рядом; иглы летят густо, как стрелы от монгольского тумена – откуда я знаю это слово? Пес прикрывает меня и заморачивает головку наведения иглоракет. Металлическая шерсть летит с него клоками, играя роль ложных тепловых целей. Но насколько еще хватит его косматости?

Мир вокруг бледнеет, становится тонкостенным, сдувается и раздувается вместе с каждым моим вдохом и выдохом. Он теряет свою реальность, становясь как бы частью меня. Я чувствую себя в центре мира, порождаемого моим дыханием. И первое что осязаю – колечки ароматических соединений, источаемых растениями, произрастающими в облачках аэрозоля где-то в недалекой оранжерее.

Затем я чувствую одного из робинсектов, как бы просачиваюсь в тесноту хищного тельца и разделяю его своим дыханием на части.

Головка с глазками двухканальных камер. Не так уж черны эти роботехи – в процессоре крупинки дисперсного золота; золотые электроды удерживают электроны в прослойке из

дитиоловых молекул. Острые мандибулы из металлорганики; максиллы, ставшие пусковой трубкой для иглоракет. Микроэлектромеханические приводы конечностей и радиоизотопное сердечко двигателя. А дальше я вливаюсь в их рой. Каждый член роя похож на другого – они соединяются в глянцево-черную волну. Я внутри нее. Осязаю пульсации ковалентных и клещи ионных связей, дрожащие бугорки полимерных диполей, зыбкие кольца супрамолекул. И улавливаю набор вибраций, который проходит через молекулярный процессор каждого робинсекта. В них – код команд, которые выпадая из стека, управляет тварями. Цепляясь за шину ввода-вывода, узелками биений я забрасываю в их процессор номер прерывания и вбиваю новый указатель в регистр инструкций. Волна робоинсектов уже не накатывает – она разбивается на множество волн, которые сталкиваясь, гасят друг друга.

Наконец вижу три подоспевших истребителя Роскосмофлота, которые кружа в тесном «небе» ледяной полости, атакуют робинсектов: наносят удар синуклерами. Голубое пламя идет ко мне, спекая тварей в один ком, но кто-то выдергивает меня из ловушки и уносит на своей косматой спине – это ж моя псина; я отключаюсь как перегревшийся прибор.

4. Глубина

– Что-нибудь распознаёте? – спросила сестра Евпраксия у мужчины в белом комбинезоне, в глазах которого сейчас отражался мой «внутренний мир», считанный сканнерами и выведенный на виртуальные экраны. Все эти неокортексы, таламусы, гиппокампусы и прочие причандалы. На кончиках его пальцев, которые бегали по виртуальной клавиатуре, светились красные огоньки сенсоров движения.

– Ничего. Зоны, ответственные за долгосрочную память старше года, просто разряжены, никаких функционирующих нейронных цепочек.

– С таким стиранием памяти я был бы просто дебилом, радостно пускающим пузыри. Как же это меня трудоустроили у Кубхана на тяжелую ответственную работу? – подал голос я.

– Очевидно, все, что было необходимо для работы, загрузили в вас с помощью нейрокабеля – имеется рубец в районе пятого шейного позвонка, где, наверняка, был разъем.

– Допустим, доктор. Я это место всегда чем-нибудь залепливал, чтобы твурм не заполз. Однако, если у меня ничего нет, кроме промытых мозгов, то я бы и сейчас мирно помешивал дерьмо в котле у Кубхана.

– Я в курсе, господин имярек, что вы удачно добрались сюда, потому что вам удавалось спонтанно подключать внешние устройства в качестве своей технопериферии. Предположительно, когда-то у вас имелся соответствующий нейроинтерфейс, индуцированный в энторинальную кору и некоторые зоны неокортекса. Но, в любом случае, он был уничтожен в ходе стирания памяти.

– Доктор, делайте уже предположения, – не выдержала сестра Евпраксия.

– Да, да, не тяните кота за яйца, – добавил я, хотя не знал в точности, что это такое – «кот».

– Есть еще, правда, области фронтальной и теменной коры, которые в психиатрии ответственны за неврозы навязчивых состояний и ложную память. Поэтому имеется некоторый шанс, что ваша настоящая память хотя бы отчасти отзеркалена в области криптомнезии. Возможно, что там восстановился и тот самый нейроинтерфейс, необходимый для общения с технопериферией. Мозг – дело гибкое, душа – тем более.

– Послушайте, – сестра Евпраксия подошла ко мне и в ее стальных глазах, казалось, тоже отражалась вся моя сущность вплоть до самых скрытых грехов. – Ваше активное участие в

обороне Ляпунова-2 от нашествия роботехов не освобождает меня от подозрения, что в вас гнездится опасность и вы просто усыпили нашу бдительность.

Она – сурова, и трудно поверить, что сестра Евпраксия недавно готова была пожертвовать жизнью ради меня. В атмосфере Юпитера, у нее было куда больше шансов свалиться с моей капсулой вниз, в адскую глубину, чем вытащить меня. Всего час назад мы мирно беседовали с ней о доказательствах бытия Божия и она назвала одним из таких доказательств – существование России, уже 600 лет самой большой державы в мире. Существование, которое противоречит всем социальным, экономическим и политическим теоремам, измышленным мудрецами Альянса и объясняющим, почему ее не должно быть. Всего полчаса назад она учила меня снова общаться с людьми, верить, любить и прощать. И говорила, что я лишился памяти, чтобы ничего не мешало очистить душу и открыть себя для Его энергий, могущих многократно увеличить способности тела.

Сестра Евпраксия, секунду подумав, перекрестила меня и вышла, а мужчина в белом комбинезоне, он же доктор Владимир Всеволодович, широко улыбнулся.

– Ладно, должность у нее такая. В миру она, кстати, была экспертом по киберпсихологической безопасности. Собственно, все сестры – знатные специалисты по чистоте духа.

– Я так понимаю, город отбился. А что было причиной столь массированной атаки?

– Сестра Евпраксия считает, что причина в вас. По крайней мере, одна из причин. Но она, в любом случае, будет молиться за вас.

– А другая причина?

– Западному Альянсу совсем не нравится, что мы закрепились на Европе и у нас тут цепь поселений с сельскохозяйственными угодьями, в то время как их станция благополучно утопла в подледном океане. У них же заглушка в мозгах, которая не позволяет им понять, что, гоняясь за прибылью, космический фронтир не освоишь. Вот на нас и нападает то орда одичавших роботехов, то рой обезумевших биомехов. Только выкармливаются эти орды и рои на базах Альянса. Но на Совбезе его представители не дают нам слова сказать, сразу визг поднимают; это, дескать, мы сами на себя нападаем, сами себя обижаем, чтобы скрыть свои «тиранические планы по захвату всего свободного космоса».

Я подошел к окну, внизу, под «шляпкой» гриба, стройная особа в пестром скафе играла с моим робопсом. Она, заметив меня, помахала рукой и даже передала по близкосвязи свою

фотку. Миленькая, ничего не скажешь; только её пирсинг, в виде мелких алмазиков на веках, несколько ошарашивает.

– Вы теперь местная знаменитость, – констатировал доктор. – Непонятный, но значительный. Такие девушкам нравятся. Но я согласен, что нужно отправить вас подальше от фронтира. Пусть в центре разбираются. Сегодня вы улетите на Марс, на клипере «Святой Григорий Палама», принадлежащем Ведомству дальних планет.

– А я-то надеялся пристроиться под грибок-теремок, получить здесь надел, обрабатывать свою делянку с шампиньонами, с местными девицами познакомиться; если мне меньше тридцатника, то можно и на дискотеку сходить, если больше, тогда на танцы ча-ча-ча для «тех, кому за тридцать». Сколько у меня времени на сборы?

– Пара часов есть.

– Нищему собраться – только в скаф залезть, так что пары минут определенно хватит. Доктор, попробуйте перекинуть эту так называемую ложную память в область настоящей памяти.

Он помотал головой. Дважды, отрицательно. А потом сказал:

– Впрочем, если вы всё еще никто и звать вас пока никак, хотя на самом деле вы, может быть, и хорошо замаскировавшийся академик, то стоит попробовать. И если вы не возражаете, то сейчас вам в гиппокамп, энторинальную кору и некоторые другие зоны мозга будет запущен распределенный массив электродов…

Это казалось вначале похожим на сновидение. Золотые купола, на которых играет ласковый солнечный свет, и тихий ветерок, треплющий мои волосы, бег босиком по траве, мои ладони, разбрызгивающие воду с сонной поверхности озерка. Вместе с падающими каплями сновидение постепенно становилось моей памятью. И еще. Я, напрягая жилы, гребу на шлюпке, впереди такие же стриженые затылки, как у меня. Носом к волне идем – это плюс, но волна просто стена, серая, холодная – это минус. Если не выгребем – она нас схавает. Однако выгребаем, с матом, рвущимся из самого нутра, и скользим вниз с ее бурлящего гребня, глотая острую водяную пыль, навстречу следующему испытанию… Имя. Место рождения. Воинское звание. Номер воинской части. Задание. У меня есть мать и сестра, есть люди, которые помнят меня…

– Я, по счастью – не академик; тьфу на научную работу, от нее мозги сохнут. Я – капитан-лейтенант Иван Анненский, Роскосмофлот, шестой разведывательный центр, – сказал я доктору. – Родился на Ваське, то есть, Васильевском острове, это в Питере. Ого, я даже спеть могу. Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить! С нашим атаманом не приходится тужить! Вы уж

простите меня, доктор дорогой, так переполняет. Покажите мне картины, где грачи прилетели, и где сосна, что на севере диком, я вам и автора назову. Я помню «У лукоморья» и «Клеветникам России» – это не стареет. Я, кажется, картины Васнецова и Билибина люблю, включая те, что к сказке об «Иван-царевиче и Сером волке». Получается, есть царевич, и исполняющий роль волка тоже имеется. Задание у меня… нет, не надейтесь, не скажу, пока не будет снята секретность.

А еще ясно, что я – на Родине, пусть это и самый ее край, русский фронтир. Господи, я обрел Родину.

Я словно вздохнул воздух, который принес отпечаток каждого объекта, живой души и квазиживого организма в земной и космической России. Купола, говорящие с Небом, паутинки ажурных дорог на сверкающих диамантоидных опорах, многокилометровые рампы, забрасывающие людей и грузы из гравитационной ямы Земли в космос. Спирали орбитальных баз и кристаллы космических поселений, геодезики наших марсианских городов. Заводы и шахты, вгрызающиеся в тела астероидов. Наши космические трассы, уходящие в Пояс и к Юпитеру, украшенные ожерельями маяков. Наши редуты, посты и дозоры, разделенные миллионами километров, но все же связанные в протяженные оборонительные линии. Корабли наших первопроходцев, которые сейчас садятся на Титане, спутнике Сатурна, и зонды, которые пытаются проникнуть в чрева планет-гигантов, дышащие запредельной силой. Я чувствовал прошлое, бывшее еще до космоса, когда предки, согреваемые русской верой, покоряли ледяные просторы и рвались к горизонту, поливая своим потом и кровью черные леса и бескрайние степи, отражали басурманские тьмы, неся ценой своей жизни новую жизнь, прорастающую луковками церквей, колосьями на полях, избяными срубами и журавлями колодцев.

Почувствовал я и врагов – базы Западного Альянса, их корабли-матки, готовые сблевать потоки агрессивных нанит, орды кретинистых франков и вредителей-биомехов, рои хищных роботехов.

– Мне, доктор, нужно немедленно связаться с командиром пограничной стражи по закрытому каналу Р-200, протокол RRR. Я, кажется, понял, что задумал Альянс. Ляпунов-2 в опасности и в запасе едва ли пара часов…

Уже через полчаса лифт опустил меня вплоть до темной слегка колеблющейся поверхности океана, открывшейся в искусственном ледяном гроте.

– Еще раз проверьте по датчикам и интракорпоральным счетчикам – всё ли в порядке, – распорядилась сестра Евпраксия.

Мы были на нижней кромке ледяного покрова Европы, в скафах, рассчитанных на давление в двести атмосфер, наши легкие вентилировала кислородсодержащая фторуглеродная жидкость. Только что я получил сообщение из Царьграда – должен прибыть туда к началу Земского собора. Оно было с указанием моих имени-отчества-фамилии, воинского звания и личного молекулярного отпечатка – значит, точно касается меня. Однако ж решил заняться пока более неотложными делами. Что может быть неотложнее, чем обезвредить пакость, которая поднимается из океанской пучины к ледяной коре юпитерианского спутника, в которой закрепился наш город? Ополчение Ляпунова-2 думало, что отбило атаку, но несколько пиявок-пенетраторов не только прошили насквозь обитаемую полость, они достигли вод подледного океана Европы и ушли в неясные глубины. Теперь гидроакустические антенны Роскосмофлота показывали странную движуху внизу – как будто даже изменение рельефа дна.

– Погружение, с Божьей помощью, – скомандовала сестра Евпраксия.

Я соскользнул с платформы в черную как будто маслянистую жидкость, внешне более похожую на нефть, чем на воду.

Мы уходили вниз с помощью гидрореактивных буксировщиков, кроме меня – еще двое. Сестра Евпраксия, как же без нее, и лейтенант Роскосмофлота Литке – у него шеврон точь-в-точь как моя тату, якорь с лапами-звездами.

На глубине 1200 лейтенант, благодаря навешанной на его шлем гидроакустике, первым заметил это…

– Снизу поднимаются тела, крупные, диаметром по 10 метров.

А потом мы увидели их во всей красе и без гидролокаторов.

Внешне – как большие шары, всплывают целым стадом.

– Обитатели пучины, гипотетические до сего момента, в просторечии е-медузы, да еще в таких товарных количествах, – сказал лейтенант; хотя мы переговаривались при помощи текстовых сообщений, я ощутил его восхищение. – Несколько раз флотские гидроакустические буи как будто засекали их, но никогда не было дополнительного подтверждения, что это не помехи.

Теперь они проплывали рядом с нами. Их оболочки выглядели твердыми и лейтенант рискнул дотронуться до одной из них – е-медуза и усом не шевельнула – действительно, ни гнется, ни мнётся. Встроенный в мой шлем спектроскоп показал, что оболочка е-медузы состоит из силикатов. Они к тому же были прозрачными как пузыри, а в студенистой массе, заполняющей

их, виднелись какие-то включения – внутренние органы или то, что съедено на обед?

– Если они так торопятся наверх, значит, на то есть веская причина, – заключила сестра Евпраксия.

– Я за то, чтобы подождать причину здесь, – отозвался я.

А вот и она. Следом за е-медузами, догоняя их, поднимались вроде как клубы дыма. Но они были настолько плотные, что напоминали не слишком оформленного, однако огромного Левиафана.

– Ну что, лейтенант, а этого ваши буи еще не засекали?

– Всплываем, живо, – скомандовала сестра Евпраксия.

Это хорошо, что мы использовали жидкостное дыхание и подниматься можем шустро. Но Левиафан делал это еще быстрее. Одна из его «псевдоподий» догнала е-медузу и она вмиг исчезла, как будто моментально была расщеплена в молекулярный хлам.

Теперь понятно, что пробудили пенетраторы-пиявки Альянса на дне океана – спящие формы местной жизни.

Каждый седьмой прилив в этих краях особо мощный, приливный горб ломает лёд иногда и на несколько сотен метров. Правда, бывает, что не седьмой, а девятый – волна Россби.

Сестра Евпраксия с готовностью сообщает, что следующая волна Россби сегодня в пять вечера по базовому времени.

– Остается только молиться, чтобы она не дошла вместе с этой мерзостью до города.

Альянс все рассчитал верно, в девятом приливе вода энергичнее, теплее и солонее, она размывает и взламывает крупные массивы матерого льда – и карабкается далеко верх по трещинам ледяного покрова. На этот раз волна Россби закинет наверх едкого Левиафана.

– Нет, не только молиться, – я увидел плывущего навстречу мне робопса, сейчас похожего на дельфина. – Вы бодро поднимайтесь, сестра Евпраксия, и лейтенанта с собой захватите. А мы с Бобиком попробуем что-то изменить, многолюдность же в этом деле не поможет. У меня с монстрами, даже инопланетными, особо теплые отношения. И, кстати, я – старший по званию. Это я персонально вам говорю, господин лейтенант; будете геройствовать в другом месте и в другое время.

Наконец сестра Евпраксия кивнула. Сказала, что Он никогда не оставляет нас, если мы только не оставляем Его, и отправилась с недовольным лейтенантом Литке наверх, а я со своим псом – вниз.

Надо было пробить глубину насколько возможно. Пенетраторы Альянса, достигнув дна, пробудили местную жизнь, европейский бентос, подпитав её энергией радиоактивного

распада. По тем параметрам, что показывала гидроакустика и спектроскоп, она не представляла собой ни многоклеточные организмы, ни даже одноклеточные. Более всего эта жизнь напоминала сложные кремнийорганические молекулы. И эти молекулярные организмы, похоже, вполне способны к таким проявлениям жизнерадостности, как потребление, репликация и самоорганизация. Это предполагало постоянный обмен сигналами между особями в высокочастотном диапазоне. Должны же умные молекулы как-то взаимодействовать между собой, договариваться или получать приказания. Но электромагнитного фона не было; они общались, не расходуя энергию на передачу сигналов.

И тут заглох мой буксировщик – кажется, умные и вредные молекулы добрались до него; я остался с самим собой на слишком опасной глубине. Куда-то запропастился и робопес. И правильно, это дело для меня одного.

Уже привычным усилием помещаю себя в центр мира. Поначалу мне невероятно одиноко – я даже не могу вздохнуть от ужаса, вокруг меня только тьма, холод и ненависть, но потом вспоминаю слова сестры Евпраксии, что Он – рядом со мной, если я не закрываюсь от Его энергий. И я заставляю мир дышать вместе с собой. Вижу искорки хроноквантового конденсата, исходящего от меня. Левиафан пока не дается мне, расплывшись черной кляксой по стенкам пузыря. Что ж, надо дерзать. За тонкими стенками мира – Бездна, несущая его вместе с другими мирами, как пену. Все, что есть в нашем мире – лишь рябь колебаний, уединенные волны в потоке организующего времени, в том числе и Левиафан. Теперь я растекаюсь в левиафановой «плоти», связывая её с собой.

Я чувствую разряжения и сгущения электронной гущи в квантовых точках кремния, покрытых перфторфенильными лигандами – это крохотные мозги умных молекул, которые и составляют ментальное поле Левиафана. Чуть было не потерял себя в его толще – они взаимодействовали, отражаясь друг в друге, каждый в каждом, и поначалу оглушили меня, не оставив места для постижения. Я не мог выделить себя из ментального поля Левифана, вместе с ним хотел двигаться выше и выше, навстречу отцу Юпитеру. Но потихоньку стал выделять типичные пульсации – силу, частоту, продолжительность биений. Они поначалу казались очень чуждыми, но я все же различил, что каждый запоминающий и решающий элемент Левиафана находится в одном из трех стабильных состояний. Я начал улавливать пульсации, ведущие к соединению и разъединению молекулярных особей, к началу размножения и согласованному

движению.

Теперь самостоятельно стал задавать силу, частоту, продолжительность биений в этих пульсациях. По сути, превращая молекулярные особи в свою технопериферию. Поначалу всё обстояло так, как это бывает в роях, когда один наиболее активный элемент становится организатором для всех остальных, поскольку они ненадолго принимают в качестве образца. Но затем я стал предлагать тактику образца и молекулам-сподвижницам. Теперь в толще Левиафана появилось «семя», нескольких тысяч умных молекул, связанных со мной, но самостоятельно организующих группу из молекулярных особей, каждая из которых также выступала в роли организатора для своей группы особей. Я создавал иерархию. Но что-то пошло не так.

На моих глазах туча Левиафана разделилась на три облака, и еще, и еще. Эти облака, как настоящие чудовища, бросились истреблять друг друга. В троичной логике помимо «ложно» и «правдиво» есть еще «не определено». Я задал отношения между соседними уровнями, но не между уровнями, разделенными другими уровнями, вот и они произвели свой выбор…

А мое сознание меркло, таяло в глубине, исчезая вместе с запасом кислорода во фторуглеродной жидкости, заполняющей мои легкие. И вдруг просверк – шар, похожий на е-медузу, только светящийся как ангел, в ореоле светоносных лучей-щупальцев. Его тащил мой пес, ухватив за щупальца, сам тоже на остатках энергии.

Светящийся шар наплыл на меня и я оказался внутри, последним усилием втащил пса – и мы как внутренности е-медузы стали быстро всплывать.

Эпилог

И снова палуба под его ногами. Как и тогда, на корвете «Князь Даниил Щеня», перевозившем в своем последнем походе хроноквантовый конденсат со станции «Юпитер-25». Натурное испытание показало, что эта «жидкость» способна обеспечивать связанность и когерентность макроскопических процессов, которые в обычных условиях не могут быть когерентными.

А этот корабль называется фрегат «Князь Дмитрий Хворостинин» и его атомный двигатель позволяет развивать крейсерскую скорость сто километров в секунду. Катастрофы подобной той, что случилось с «Даниилом Щеней», здесь не могло повториться. «Дмитрий Хворостинин», как и другие корабли его проекта, не мог подорваться на мине, потому что его сопровождала стая дронов-пойнтеров, питающихся СВЧ-энергией, получаемой от него через пространство, и обнаруживающих любой вредоносный объект.

Сейчас «Князь Дмитрий Хворостинин» шел к Царьграду-на-Марсе, где через несколько дней должна была решиться судьба трона. После того как старый царь не смог остановиться на одном-единственном преемнике, бесстрастные искины отобрали несколько кандидатов для прохождения испытаний, и одного из них должен был принять Земский собор.

Фрегат доставлял в Царьград его, капитан-лейтенанта Анненского, воина. Он не стремился к власти, твердо зная, что власть – это служение, а большая власть – большое служение. Но он выдержал все испытания, и воинская честь не позволяла ему отказаться от исполнения долга. Ну, а пока Иван-царевичу, как шутливо называли его товарищи, предстояло явиться в спортзал, играть в шашки-поддавки на десяти досках одновременно, всем проигравшим – отжимать штангу.

Его руку лизнул верный пес, всегда чующий неприятности, и шлепнул по палубе хвостом-мочалкой…

Вражеские корабли выстроилась четырехлучевой розой ветров с ядром из фрегата и истребителями на лучевых флангах. И Анненский почувствовал, что на мостике вражеского корабля, помимо офицеров Альянса, стоит Кубхан, взбешенный тем, что он упустил разгадку макроскопической запутанности, хотя она была у него уже в руках.

Взвыла сирена и по палубам «Дмитрия Хворостинина» понеслись люди и роботехи, занимать места согласно боевому расписанию. Под командованием капитана-лейтенанта Анненского было девять истребителей-дронов, которых он

ощущал как свое тело – для этого работали его психоинтерфейсы, давно ставшие частью его сознания. Истребители своего звена он направил над вражеским фронтом, а потом мгновенным маневром на максимальном ускорении – прямо в центр «розы». Перегрузки – для беспилотных машин терпимые, а для него на грани потери сознания. И почти сразу он лишился двух ведомых, которые были съедены плотным огнем вражеского фронта.

Но, когда он оказался в гуще врагов, то сдержанно обрадовался – вражеские машины очень неуверенно вели огонь по его звену, боясь врезать друг другу.

Звено летело по оси сквозь «розу», сходясь и расходясь по непредсказуемым для врага траекториям, ведя бой на коротких дистанциях, где и самонаводящиеся головки ракет путаются с выбором цели. Та самая «собачья свалка», которой боится любой стратег.

Разрывы ракет, что расширяются в косматые бороды, состоят из мельчайшей пыли, перемешанной с обломками машин. Эту пелену ненадолго разрывают ослепительные вспышки – пушки-газеры превращают цели в снопы света.

Капитан-лейтенант резко выводит – опять на больших перегрузках – свое звено из «собачьей свалки», проделав вертикальный маневр с обратным разворотом. Потеряно еще два дрона, но и боевой ордер Альянса развалился. Пушкам и пусковым установкам вражеского фрегата сейчас мешает мешанина из его собственных истребителей.

Тут заработало на полную мощность оружие «Князя Хворостинина» – наконец, удары главным калибром по вражеской корабельной группировке…

Путь к стольному Царьграду-на-Марсе был свободен. А встречали капитан-лейтенанта Анненского уже как государя Ивана VII. Земский собор принял его, приняли люди от юпитерианского фронтира до старорусских Иркутска, Тобольска и Москвы. После венчания на царство, при первом его обращении к ученым, инженерам, космоплавателям, воинам, казакам, собравшимся в огромном алмазопорном зале, верный его пес сидел неподалеку от трона и ласково потявкивал.

Иван VII должен был не посрамить тех, кто сидел на этом троне до него, и снова доказать, что царствует тот, кто предан народу и верен закону, кто блюдет справедливость и показывает пример служения. Он приносил клятву, что его царствование не переродится в олигархию – власть жадных, хищных, себялюбивых, какая правит Западным Альянсом, покупая на корню «представителей народа» и программируя подвластных ей «индивидуумов» под завывания о «свободе».

С его рук сходили последние потоки хроноквантового конденсата, который сводил судьбы и свивал траектории систем.

Теперь ему придется преодолевать отчуждение и разделение только своими силами. Но его дух был готов к этому.